

О ПРОТИВОГОСУДАРСТВЕННОМЪ ЭЛЕМЕНТѢ ВЪ РАСКОЛѢ.

I.

Происхожденіе противогосударственнаго элемента въ расколѣ.

Всѣ изслѣдователи раскола согласны въ томъ, что расколъ на первыхъ порахъ своего существованія представлялъ событіе чисто-церковное, но что съ теченіемъ времени онъ пріобрѣлъ значеніе гражданское, воспринявши въ себя элементъ противогосударственный. Какимъ образомъ могъ явиться въ расколѣ этотъ элементъ?

По нашему мнѣнію, рѣшеніе этого вопроса не представляетъ особенной трудности, если только отрѣшиться отъ тѣхъ ходячихъ понятій о расколѣ, въ силу которыхъ мы влеймимъ его названіемъ «трупъ», «гнилаго болота» и т. п. Всѣ подобныя понятія произошли въ ту пору, когда не существовало еще науки о расколѣ, когда не знали еще раскола, но знали болѣе или менѣе остроумныя каррикатуры на расколъ. Принимая эти понятія, изслѣдователь раскола допустилъ бы дѣло, недостойное науки. Но, становясь на точку зрѣнія науки, нельзя не признать, что расколъ не только не есть трупъ и гниль, но есть сила, поражающая своею живучестію. Расколъ выразилъ собою глубокую характеристическую черту, въ высшей степени знаменательное начало нашей національной жизни — строгій и безусловный консерватизмъ въ интересахъ вѣры и народности.

Принявши эту послѣднюю мысль, мы будемъ уже на пути къ правильному научному рѣшенію поставленнаго нами вопроса. Жизненная идея раскола не могла ограничиться одною областію отвлеченнаго мышленія. Какъ продуктъ жизни, она должна была войти въ связь и ближайшее отношеніе къ другимъ вопросамъ и къ другимъ проявленіямъ жизни. Противогосударственность раскола была логически-неизбѣжнымъ послѣдствіемъ развитія идеи

раскола. Противогосударственность раскола была результатомъ его противоцерковности. Понятія, выработанныя вѣковой жизнью народа въ сферѣ церковной жизни, не могли быть не перенесены въ область жизни государственной. Тѣмъ легче и удобнѣе это могло случиться, что въ эпоху происхожденія раскола религіозная сторона была преобладающею въ жизни, и церковь такъ проникала въ государство, что трудно было бы провести пограничную черту между ними и указать, гдѣ оканчивалась церковь и начиналось государство.

Въ это доброе, старое время государственные идеалы создались на образецъ идеаловъ церковныхъ. Государство было такъ сказать свѣтскою церковью. Церковь и государство сходились въ послѣднихъ своихъ цѣляхъ. Русскій *благочестивѣйшій* государь былъ, въ самомъ дѣлѣ, представителемъ православія и благочестія на столько же, какъ и *святѣйшій* патріархъ. Тогда не было рѣчи о какихъ либо государственныхъ интересахъ, которые бы не совпадали съ интересами церкви. Самое гражданское законодательство сложилось подъ вліяніемъ каноническихъ постановленій церкви. Государство создавалось во вкусъ церкви, и вопросы гражданского устройства разсматривались съ точки зрѣнія церковныхъ авторитетовъ.

Въ соборномъ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича всего лучше выразился государственный духъ старой, допетровской Россіи. Посему мы обратимъ вниманіе на нѣкоторыя особенности этого кодекса, чтобы уяснить себѣ тогдашнія отношенія церкви и государства.

Предисловіе Уложенія уже хорошо характеризуетъ точку зрѣнія и направленіе тогдашняго законодательства. Законодательное собраніе 1649 года почитаетъ важнѣйшею своею задачею собрать тѣ статьи, «которыя написаны въ правилѣхъ святыхъ апостоловъ и святыхъ отецъ и пристойны къ государственнымъ и земскимъ дѣломъ» *. Такимъ образомъ постановленія церкви вселенской полагаются въ основаніе гражданскому законоположенію.

Отсюда открывается то важное значеніе, которое имѣли для современнаго русскаго права каноны церковные. На нихъ опиралось русское гражданское право; они составляли краеугольный камень русскаго государственнаго строенія. Дѣйствительно, понятія о правдѣ и преступленіи нерѣдко выясняются въ Уложеніи мѣстами св. писанія и правилами вселенской церкви. Устанавливая всеобщій налогъ въ пользу плѣнниковъ, папирнѣръ,

* П. С. З. Т. I, стр. 1.

Уложеніе мотивируетъ его слѣдующими, чисто-богословскими соображеніями: «чтобы въ томъ денежномъ сборѣ никто изъ избылыхъ не былъ, занеже таковое искупленіе (плѣнниковъ) общая милостина нарицается, и благочестивому царю и всѣмъ православнымъ христіанамъ за то великая мзда отъ Бога будетъ, якоже рече праведный Енохъ: не пощадите злата и сребра брата ради, но искупите его, да сторницею отъ Бога примете. И пророкомъ рече Богъ: не пощади сребра человѣка ради. Христосъ же не токмо сребра, но и душу свою повелѣваетъ по братіи положить; больши бо тоя, рече, любве нивтоже иматъ, аще кто душу свою положить по братіи своей»...¹

Въ подобномъ же родѣ постановленіе Уложенія о крестномъ цѣлованіи. Здѣсь читатель находитъ цѣлую проповѣдь о тяжести грѣха — ложной клятвы. «А въ правилѣхъ святыхъ отецъ про крестное цѣлованіе написано: буде хрестянинъ хрестяника напрасно приведетъ къ крестному цѣлованію, и велитъ крестъ поцѣловати, и онъ крестъ поцѣлуеъ на томъ, что онъ правъ; и такового по нуждѣ клянущагося великій Василій на 6 лѣтъ запрещенію подлагаетъ, сирѣчь отъ церкви отлучаетъ, по 82-му правилу своему... А кто крестъ поцѣлуеъ на кривдѣ, и тому великій Василій, въ 64 своемъ правилѣ, полагаетъ запрещеніе на 10 лѣтъ: 2 лѣта да плачетъ; 3 лѣта да послушаетъ божественныхъ писаній; 4 лѣта да припадаетъ, и 1 лѣто да стоитъ съ вѣрными; и потомъ божественнаго причащенія причастится. О томъ же царя Льва премудраго новая заповѣдь повелѣваетъ кленущемуся во лжу языкъ урѣзати, аще послѣ уличень будетъ... Всего влѣе преступати крестное цѣлованіе, и цѣловати св. крестъ, или икону св. Богородицы, или иного святаго образъ. Се бо видѣхъ Захарія пророкъ сходящъ серпъ огнемъ съ небесе на землю, и вопроси: что есть, Господи, серпъ сей? И рече: гнѣвъ Божій есть, посылается отъ руки Божіей на тѣхъ, иже ходятъ на криль къ ротѣ, да поженетъ ихъ пламень, и душа предастся огню неугасимому»².

Каноническій характеръ русскаго гражданскаго законодательства XVII вѣка проявляется и въ другихъ законодательныхъ памятникахъ этого времени. Въ Новоуказныхъ Статяхъ о татевныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ дѣлахъ, изданныхъ 22-го января 1669 года, точно такъ же, какъ и въ соборномъ Уложеніи Алексѣя Михайловича, встрѣчаются ссылки на законодательство вселенской церкви. Такъ людей, подлежащихъ допросу по

¹ П. С. З. Т. I. Улож. VIII, 1.

² Улож. XIV, 10.

этимъ дѣламъ, повелѣвается «допрашивать по святѣй Христовой непорочной евангельской заповѣди—всякаго человѣка порознь»¹.

Стоя на канонической точкѣ зрѣнія, русское гражданское законодательство естественно должно было оградить особенными гарантіями интересы церкви и церковной іерархіи. Въ самомъ дѣлѣ, законодательство свѣтское сдѣлало все съ своей стороны, что могло бы споспѣшествовать успѣхамъ церковной жизни. Уложеніе почитаетъ гражданскими преступниками еретиковъ и назначаетъ смертную казнь за хулу на Бога, святыхъ его и на честный крестъ². Съ особенною заботливостію оно оберегаетъ честь служителей церкви. Болѣе 50 статей Уложенія направлены противъ тѣхъ, которые посягнули бы на честь духовныхъ лицъ—обстоятельство, очень знаменательное въ такомъ необъемистомъ кодексѣ, каково Уложеніе. Еще болѣе замѣчательнаго найдемъ мы здѣсь, если обратимъ вниманіе на самое содержаніе этихъ статей. Духовенство выдѣляется здѣсь изъ разряда обыкновенныхъ, мірскихъ людей. Честь духовнаго лица цѣнится несравненно выше, нежели честь мірянина. Бояринъ, окольникій или думный человѣкъ, обезчестившій патріарха словомъ, по Уложенію, выдавался ему головою³. Бояринъ, окольникій или думный человѣкъ, обезчестившій словомъ митрополита, архіепископа или епископа, если не въ состояніи былъ уплатить положеннаго за то денежнаго штрафа, также выдавался истцу головою⁴. Совсѣмъ не такъ строго законодательство въ отношеніи къ духовнымъ лицамъ, причиняющимъ безчестье мірянину. Простой монахъ или, по современному выраженію, рядовой старецъ, оскорбившій боярина, могъ отдѣлаться однимъ штрафомъ, не подлежа, въ случаѣ бѣдности, отвѣтственности головою⁵.

Мы видимъ, какъ близко гражданская власть принимала въ своему сердцу церковные интересы. Но это и не могло быть иначе, когда весь народъ, и управляемые и управители, жили одною религіозною жизнію, когда религія у всѣхъ стояла на первомъ планѣ, и благочестіе было самымъ драгоцѣннымъ интересомъ каждаго. Самъ благочестивый царь смотрѣлъ на свою задачу съ чисто-религіозной стороны. Онъ представлялъ себя намѣстникомъ божіимъ, приставленнымъ къ народу для того, чтобы охранять въ немъ вѣру и благочестіе. Подобный взглядъ на значеніе государственнаго служенія ясно высказывается въ

¹ П. С. З. Т. I, № 441, ст. 22.

² Улож. I, 1.

³ Улож. X, 27.

⁴ Улож. X, 28.

⁵ Улож. X, 88.

извѣстныхъ намъ письмахъ царя Алексѣя Михайловича. Когда онъ караетъ государственнаго преступника, въ немъ видѣнъ не грозный царь, руководствующійся какими нибудь практическими требованіями государственной пользы: въ немъ говоритъ служитель божій, возмущенный беззаконіемъ поступка; потому обыкновенно онъ старается выставить на видъ виновному его грѣхъ предъ Богомъ, его отвѣтственность предъ царемъ царей. «Зачѣмъ—спрашиваетъ, на примѣръ, Алексѣй Михайловичъ князя Григорія Куравина—зачѣмъ онъ по указу великаго государя не пошелъ подъ Нѣжинъ и подъ Черниговъ? Какъ онъ не умло-сердился надъ людьми божіими и государевыми? Какъ ему за нихъ на страшномъ судѣ отвѣтъ дать? Какъ онъ, бояринъ, забылъ Спасителя нашего Иисуса Христа, чудодѣйственную Его силу, даровавшую побѣду ради слезъ его и усердія»¹. «Врагу креста Христова — пишетъ царь другому послушнику его повелѣній, «новому Ахитофелу князь Григорью Ромодановскому: воздастъ тебѣ Господь Богъ за твою къ намъ, великому государю, прямую сатанинскую службу, якоже Даоану и Авирону, и Ананіи и Сапфирѣ: они клялись Духу Святому во лжу, а ты Божіе повелѣніе и нашъ указъ, конечно, исправилъ, якоже и Юда продалъ Христа на хлѣбъ, а ты Божіе повелѣніе и нашъ указъ и милость продалъ же лжею... Предъ кѣмъ лукавствуешь? Самого Христа явно облыгаешь и *дѣла* Его теряешь. Вѣдаешь ли безконечную муку у него, кто лестію Его почитаетъ, и кто предъ государемъ своимъ лукавыми дѣлами дни свои провожаетъ, и указы перемѣняетъ, и ихъ не страшится... Богъ благословилъ и предалъ намъ, государю, править и разсуждать люди свои на востокъ, и на западъ, и на югъ, и на сѣверъ вправду; и мы Божія дѣла и наши государевы на всѣхъ странахъ полагаемъ, смотря по человѣку»...²

При направленіи подобнаго рода, при этихъ взглядахъ гражданской власти на свое дѣло, конечно, не могло существовать строгаго разграниченія между церковью и государствомъ. Преслѣдуя однѣ и тѣ же цѣли, направляясь къ однимъ и тѣмъ же идеаламъ, власть духовная и свѣтская постоянно шли объ руку, и нерѣдко переступали предѣлы своей области, чтобы распорядиться въ предѣлахъ другой сферы. Въ половинѣ XVII столѣтія мы встрѣчаемъ наиболѣе поразительные примѣры отождествленія властей. Извѣстно, чѣмъ былъ патріархъ Никонъ для Московскаго Государства въ эпоху своей силы. Онъ былъ болѣе,

¹ Ист. Россіи, Соа. Т. XII, стр. 338.

² Тамъ же, стр. 339—340.

нежели первымъ министромъ государя. Никакое важное дѣло не дѣлалось безъ него. Во всякомъ предпріятіи государственной власти голосъ патріарха игралъ важнѣйшую роль. Патріархъ раздѣлялъ не только власть, но и самые титулы царя. Онъ именовался также великимъ государемъ. И когда великій государь царь уѣзжалъ изъ Москвы, великій государь патріархъ оставался неограниченнымъ правителемъ царства. Каждое утро являлись къ патріарху бояре съ докладами по самымъ разнообразнымъ дѣламъ. По свидѣтельству одного иностранца, Никонъ имѣлъ семь палатъ, въ которыхъ сидѣло семь судей со множествомъ дьяковъ. Въ назначенный часъ сюда сходились и бояре. Опоздывавшіе подвергались замѣчаніямъ ¹. И какъ далеко простиралось гражданское вліяніе патріарха, можно судить, напримеръ, по слѣдующей граматѣ Никона вологодскому воеводѣ: «отъ великаго государя, святѣйшаго Никона, патріарха московскаго и всея Руссін, на Вологду, воеводѣ, князю Ухтомскому: указалъ государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Руссін, и мы, великій государь, со всѣхъ монастырей быть, для его государевы службы подъ Смоленской, подводѣ съ телегами, съ проводниками, и прислать къ государю подъ Смоленскъ. А однолично тебѣ государева нашего указу въ оцлошку не поставитъ — собравъ подводы съ телегами и съ проводниками, прислать къ намъ, къ Москвѣ, тотчасъ»... ²

Подобнаго же рода грамату шлетъ патріархъ воеводѣ бѣлозерскому, Василью Замыцкому. Патріархъ отдаетъ ему приказъ о доставкѣ подъ Смоленскъ съѣстныхъ припасовъ ³. Воевода галичскій получаетъ отъ Никона приказаніе доставить въ Москву лошадей для похода на короля польскаго ⁴. Подчиненные члены церковной іерархіи, по мѣрѣ силъ, содѣйствуютъ своему патріарху въ его государственно административныхъ попеченіяхъ. Такъ Маркеллъ, архіепископъ вологодскій, шлетъ грамату въ Спасоприлудскій монастырь съ требованіемъ отъ монастыря топорковъ и бердышей для русской дѣйствующей арміи. Преосвященный патріотъ описываетъ даже самъ, какого рода топорки и бердыши требуются правительствомъ ⁵.

Но если церковь пользовалась такимъ вліяніемъ въ дѣлахъ благоустройства гражданскаго, то въ свою очередь государство имѣло также немаловажное значеніе въ дѣлахъ благочинія цер-

¹ Царств. А. М., Медовикова, стр. 195.

² Акт. арх. эксп. Т. IV, № 71.

³ Доп. къ акт. ист. Т. IV, № 1.

⁴ Акт. арх. экс. Т. IV, № 86.

⁵ Тамъ же, № 91.

ковнаго. Отъ временъ Алексѣя Михайловича сохранилось множество указовъ, въ которыхъ гражданская власть является устройтельницею порядковъ церковныхъ. Такъ 25-го октября 1650 года гражданская власть предписывала вологодскому воеводѣ Ивану Плещееву наблюдать за тѣмъ, чтобы во время шествія священника къ большому со св. дарами, церковный причетникъ несъ предъ нимъ свѣчу, чтобы при подобныхъ процесіяхъ присутствовало, по крайней мѣрѣ, человекъ по десяти прихожанъ почести ради, затѣмъ — чтобы встрѣчающіеся давали священнику пространный путь, съ лошадей сходили для поклоненія и почитанія св. таинъ ¹. Того же числа предписано было другому воеводѣ, свіяжскому, Феодору Плещееву, увѣщевать жителей Свіяжска къ исправному соблюденію филипова поста, по случаю оскуднѣнія плодовъ земныхъ ². 1-го марта 1674 года царь Алексѣй Михайловичъ обращается къ московскимъ жителямъ съ слѣдующимъ воззваніемъ: «Нынѣ пріспе время святаго и великаго поста, къ покаянію, на очищеніе отъ грѣховъ всѣмъ православнымъ христіаномъ; и вы бѣ приходили въ церкви Божія по вся дни, и молились Господу Богу, и у отцевъ своихъ духовныхъ исповѣдывались; а которые сподобятся св. Божіихъ таинъ, и тѣ прічащались; также и домочадцамъ своимъ велѣли къ церкви Божіей приходить и исповѣдываться жъ. Въ соборѣ и по приходскимъ церквамъ указалъ великій государь досматривать, кто учнетъ приходить, а которые къ церкви Божіей для моленія приходять и поститься не стануть, и тѣмъ отъ великаго государя быть въ наказаньи» ³. Еще характеристичнѣе указъ Алексѣя Михайловича, данный въ 1649 году на имя курскаго воеводы Лодыженскаго. Въ Курскѣ въ это время явилась какая-то эпидемія, и многіе помирали отъ «этихъ нападныхъ болѣзней и отъ страхованія». Великій государь царь, «желая отъ Бога милости православнымъ хрестьяномъ», распорядился, чтобы изъ Москвы отпущенъ былъ въ Курскъ животворящій крестъ Господень, а въ томъ крестѣ многоцѣлебныя мощи святаго и великаго пророка и предтечи Господня и крестителя Іоанна и иныхъ многихъ святыхъ апостолъ и великихъ святителей и мученикъ и преподобныхъ и богоносныхъ отецъ и мученицъ и преподобныхъ женъ». Передать крестъ поручено было какому-то Гаврилѣ Малышеву, по всей вѣроятности, лицу, неимѣвшему никакого священнаго сана. По этому-то случаю царь Алексѣй и шлетъ указъ

¹ П. С. З. Т. I, № 48.

² Тамъ же, № 47.

³ Тамъ же, № 570.

своему курскому воеводѣ. «Учинилъ бы еси—пишетъ ему государь—кресту Господню встрѣчу за городомъ и за посадомъ, въ которомъ мѣстѣ пригоже, и велѣлъ бы тотъ животворящій крестъ Господень принять архимандриту, или игумену, или протопопу, и до соборной церкви велѣлъ бы освященному собору животворящій крестъ Господень нести съ молебнымъ пѣніемъ, а въ соборнѣй церкви велѣлъ бы еси собору всему пѣти молебны животворящему кресту Господню и пречистой Богоматери и... (слѣдуютъ многочисленныя имена святыхъ, которыми должны быть пѣты молебны). И велѣлъ бы воду святить и у Господа Бога милости просити... и тою святою водою велѣлъ бы городъ, и по городу нарядъ и всякія крѣпости, и всякихъ чиновъ людей, и лошадей, и всякую животину кропить не по одинъ день... а въ соборнѣй церкви животворящій крестъ Господень велѣлъ бы держать противъ мѣстнаго образа на особномъ налоѣ, съ большимъ украшеніемъ» и т. д. ¹. Свѣтская власть устраиваетъ священныя процесіи, предписываетъ религіозныя обряды, даетъ распоряженія относительно внутренняго благочинія и благолѣпія храма...

Какъ натуральными представлялись на глазъ современниковъ подобныя отношенія государства къ церкви, и слѣдовательно, какіе глубокіе корни имѣлъ подобный порядокъ вещей въ самой жизни—можно судить по тому, что сама духовная іерархія зарѣшеніемъ нѣкоторыхъ вопросовъ, относящихся до внутренняго быта церкви, помимо патріарха, обращалась нерѣдко къ государю. Напримѣръ: въ Соловецкомъ монастырѣ монахи ухитрились, посредствомъ перекуски, обращать въ хмѣльный напитокъ подававшійся на братской трапезѣ квасъ, для чего они уносили этотъ квасъ въ свои кельи и подвергали его дѣйствию броженія. Такое удобное добываніе зелья хмѣльнаго имѣло послѣдствіемъ развитіе въ монастырѣ пьянства въ громаднхъ размѣрахъ. Это обстоятельство озабочивало благочестиваго настоятеля монастыря, игумена Ілію. И вотъ онъ доноситъ о безчинствахъ царю, и проситъ запретить монахамъ держать хмѣльное питье въ кельяхъ, а ослушниковъ смирать монастырскими послушаніями. Царь дѣлаетъ, разумѣется, соответствующее распоряженіе ².

Таковы были вообще отношенія церкви и государства въ эпоху, современную происхожденію раскола. Полное тождество интересовъ, единство цѣлей и направленія, дружеское взаимодѣйствіе, нестѣснявшееся никакими границами—вотъ характеристическія

¹ П. С. З. Т. I, № 2.

² Акты арх. экск. Т. IV, № 322.

черты этихъ отношеній. Дѣло понятное, что въ ту пору, когда отношенія церкви и государства были столь близки и тѣсны, никакое важное событіе церковное не могло совершиться внѣ вліянія государства. Государство считало своею обязанностію содѣйствовать всѣми зависящими отъ него средствами всякому начинанію церкви. Среди этихъ обстоятельствъ возникаетъ вопросъ объ исправленіи церковнаго чина.

Было бы большою ошибкою считать этотъ вопросъ современнаго общества вопросомъ чисто и исключительно церковнымъ. Мы видѣли уже, что охраненіе православія почиталось существенною задачею свѣтской власти. На этомъ основаніи, мы не обвинуясь скажемъ, что вопросъ объ исправленіи церковнаго чина былъ не только церковнымъ, но и государственнымъ. По крайній-мѣрѣ государство въ лицѣ своихъ представителей заинтересовано было имъ огнюдь не менѣе, нежели власть церковная. Такъ, намъ извѣстно, что царь Алексѣй Михайловичъ обнаруживалъ особенное рвеніе къ исправленію безпорядковъ, вкрадшихся въ церковное богослуженіе. 25-го мая 1651-го года, напримѣръ, царь шлетъ игумену Сійскаго на Двинѣ монастыря грамоту, съ строгимъ предписаніемъ, «чтобы въ монастыряхъ и соборныхъ церквахъ и въ приходскихъ церквахъ чтеніе и пѣніе впредь было единогласно, чинно, тихо и не мятежно, во всемъ по правиламъ св. апостолъ и св. отецъ»¹.

Намъ извѣстно также, что несправности церковнаго чина точно также возмущали и государственныхъ людей того времени. «О семъ немалую печаль» испытывалъ, напримѣръ, извѣстный фаворитъ Алексѣя Михайловича, Ртищевъ². И нужно прибавить, что одними сѣтованіями дѣло не ограничивалось. Ртищевъ, по словамъ его біографа, не разъ обращалъ на эти безпорядки вниманіе патріарха. Не разъ также онъ обращался по этому поводу къ «царскія палаты первосѣдателямъ». И видно, что эти «первосѣдатели» не оставались равнодушнымъ къ заявленіямъ Ртищева, но обсуждали дѣло съ подобающимъ вниманіемъ³.

Но куда шли эти разсужденія въ царскихъ палатахъ, Ртищевъ успѣлъ еще болѣе нагляднымъ образомъ доказать то живое участіе, которое принималъ онъ въ дѣлѣ исправленія чина церковнаго. Подъ его покровительствомъ, въ основанномъ имъ монастырѣ Преображенія Господня, дѣлое братство ученыхъ монаховъ занималось переводомъ съ греческаго на славянскій душе-

¹ Акты арх. эксл. Т. IV, № 327.

² Житіе Феод. Ртищева. Др. Р. Вибл. Т. XVIII, стр. 402.

³ Тамъ же, стр. 402—403.

полезныхъ книгъ. Это были тридцать человѣкъ, «въ житіи и чинѣ и во чтеніи и пѣніи церковномъ и велейномъ правилѣ изрядныхъ», выписанныхъ Ртищевымъ изъ малороссійскихъ монастырей¹. Фактъ чрезвычайно знаменательный и характеристичный. Замѣтимъ, что все это было прежде, нежели выступилъ на поприще реформаторской дѣятельности патріархъ Никонъ, въ ту пору, когда онъ скромно святительствовалъ въ Новгородѣ. Спасо-преображенское братство Ртищева послужило прообразомъ того братства, которое потомъ сгруппировалось около патріарха Никона.

Послѣ этого мы почитаемъ несправедливымъ утверждать, чтобы въ вопросѣ объ исправленіи церковнаго чина инициатива принадлежала исключительно церкви. Скорѣе, этотъ вопросъ, вызванный жизнію, принять былъ одинаково къ сердцу—какъ церковь, такъ и государствомъ. Но если этотъ вопросъ одинаково интересовалъ, какъ духовное, такъ и свѣтское правительство, то ясно, что рѣшеніе его могло состояться при дружномъ взаимодействіи церкви и государства.

«Никонъ, бывшій патріархъ, повелѣ книги исправляти и переводити не собою, но повелѣніемъ благочестивѣйшаго государя нашего царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, благословеніемъ же и совѣтомъ и произволеніемъ святѣйшихъ вселенскихъ патріарховъ, и согласіемъ архіереевъ всего россійскаго государства и всего освященнаго собора»². Эти слова собора 1666 года, по нашему мнѣнію, проливаютъ яркій и совершенно вѣрный свѣтъ на исторію исправленія нашихъ богослужебныхъ книгъ. Въ самомъ дѣлѣ, *повелѣніе* или вліяніе государя играло здѣсь чрезвычайно важную роль. Царь созываетъ соборы, самъ присутствуетъ на нихъ, отправляетъ ученую экспедицію на Востокъ, шлетъ указы о присылкѣ древнихъ харатейныхъ книгъ, снабжаетъ деньгами на пріобрѣтеніе нужныхъ рукописей—все это очевидно доказываетъ, въ какой степени заинтересовано было въ церковномъ вопросѣ государство. Преслѣдованіе «церковныхъ мятежниковъ» градскимъ судомъ еще лучше опредѣлило отношеніе государства къ церковному событію. Отвергая тѣхъ, кого анафематствовала церковь, государство видимо засвидѣтельствовало полное тождество своихъ интересовъ съ интересами іерархіи. Такимъ образомъ ясно, что вопросъ религіозно-обрядовый, возбужденный государствомъ наряду съ церковью, разрѣшенный при дѣятельной

¹ Житіе Ртищева. Др. р. Выбл. Т. XVIII, стр. 400—401.

² Доп. къ акт. ист. Т. V, № 102, V.

помощи государства, наконецъ огражденный гарантіями свѣтскаго законодательства, въ самомъ своемъ началѣ былъ и оставался вопросомъ государственнымъ.

Что такъ дѣло понималось и современниками, на это имѣются многочисленныя доказательства. Когда Никонъ началъ вводить новыя чины богослуженія, Алексѣя Михайловича буквально засыпали челобитными. Всѣ эти челобитныя въ одинъ голосъ вопіяли противъ порчи книгъ и вѣры, и всѣ умоляли царя положить конецъ соблазну. Что значитъ этотъ фактъ, какъ не то, что сами современники считали царя компетентнымъ судьей въ этомъ дѣлѣ? И такъ очевидно, что преобразование церковнаго чина было въ сущности своей и понималось въ свою пору, какъ событіе не только церковное, но и государственное. Естественнымъ послѣдствіемъ этого было то, что церковный расколъ съ теченіемъ времени сдѣлался и расколомъ государственнымъ; вражда на церковь соединилась въ расколѣ съ враждою и на государство.

II.

Историческій очеркъ развитія противогосударственнаго элемента въ расколѣ.

Народное міровоззрѣніе вообще слагается очень медленно. И извѣстное начало, вырабатываемое историческою жизнью народа, должно пройти цѣлый рядъ видоизмѣненій, прежде нежели оно выльется въ округленную и законченную форму. Противогосударственное начало раскола прошло также много фазисовъ развитія, покуда оно выразилось со всею опредѣленностію. Въ историческомъ развитіи этого начала нельзя не отличать по крайней-мѣрѣ двухъ періодовъ. Первый періодъ начинается первыми столкновениями раскола съ властью гражданской и оканчивается вмѣстѣ съ XVII вѣкомъ. Второй періодъ начинается воцареніемъ Петра. Въ первомъ періодѣ расколъ постепенно теряетъ солидарность съ правительствомъ, довѣріе къ нему, уваженіе къ его авторитету. Въ это время, такъ-сказать, расчищается почва для будущаго противогосударственнаго дѣйствования раскола, готовятся матеріалы для будущаго противогосударственнаго зданія. Во второмъ періодѣ расколъ прямо становится въ положеніе, враждебное правительству, и начинаетъ противогосударственную пропаганду. Постараемся прослѣдить процессъ этого постепеннаго развитія противогосударственности въ расколѣ.

Правительственная пропаганда въ пользу новопечатныхъ книгъ послужила первымъ камнемъ претѣбанія для гражданской совѣсти раскола. Дѣло Никона, которому не сочувствовалъ народъ

не могло устоять безъ внѣшней поддержки. Эту поддержку оно находить въ правительствѣ. Правительство разсылаетъ новопечатныя книги при указахъ, и поручаетъ своимъ чиновникамъ наблюдать за ихъ употребленіемъ въ церквахъ ¹. Чтò долженъ былъ подумать расколъ о правительствѣ, которое принимало подъ свое покровительство книги, объявленныя народомъ еретическими и богохульными? Дѣло весьма понятное, что въ расколѣ не могло не родиться сомнѣнія на счетъ православія правительства. Не отступилъ ли самъ царь отъ вѣры? невольно рождался вопросъ въ головѣ раскольника. И какъ-бы въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, въ народѣ распространяется страшное сказаніе о мнимомъ пророчествѣ іерусалимскаго патріарха Теофана. Заговорили, будто бы этотъ патріархъ, на одномъ изъ московскихъ соборовъ (въ царствованіе Михаила Теодоровича), обратился къ присутствовавшимъ съ такою рѣчью: «Во истину глаголю вамъ, отцы и братіе, нинѣ убо яко во всей поднебесной едино солнце сіяетъ, тако въ московскомъ государствѣ единъ православный и благочестивый царь благочестіемъ и православною вѣрою просвѣщается и свѣтится. А когда будетъ у васъ въ Россіи царь съ первня литеры, при томъ перемѣнятся законы церковные и обычаи христіанскіе, и будетъ гоненіе веліе и мучительство на церковь Христову» ². Не наступило ли это ужасное время? думали поборники старыхъ книгъ.

Покуда народная мысль волновалась этими представленіями, совершилось событіе, которое должно было дать народнымъ толкамъ болѣе опредѣленное направленіе. Московскій соборъ 1666-го года, на которомъ правительство изъявило свою готовность преслѣдовать расколъ гражданскими мѣрами, разъяснилъ отношенія правительства къ расколу. Правительство открыто стало на сторону церкви и противъ раскола. Вотъ фактъ, изъ котораго вся послѣдующая исторія раскола развивается, какъ изъ сѣмени. Репрессивная политика воспитала правительству ожесточенныхъ враговъ.

Первымъ, самымъ естественнымъ и неизбежнымъ результатомъ угнетеннаго положенія раскола, было то, что раскольники тѣсно стали смыкаться между собою, стали группироваться въ кружки и общества; стали разсматривать себя, какъ «малое нѣкое стадо». Переводя это выраженіе на языкъ политики—раскольники образовали изъ себя партію. Это произошло вслѣдствіе той простой причины, что общее несчастіе всегда сближаетъ людей,

¹ См. поир. Доп. къ акт. ист. Т. IV, № 79.

² Разказы изъ ист. старооб., Максим., стр. 12—13.

заставляетъ ихъ забывать мелкія житейскія дразги, связываетъ ихъ общими думами и общими интересами. Окруженные однѣми опасностями, связанные однѣми заботами, раскольники образовали изъ себя единое тѣло и единый духъ. Легко понять, какое значеніе это обстоятельство имѣло для государства. Употребляя мѣры къ искорененію раскола, правительство теперь имѣло дѣло уже не съ милліонами отдѣльныхъ лицъ, а съ цѣлою корпорациею. Всякая жестокость, допущенная правительствомъ въ одномъ мѣстѣ, теперь разносится по всѣмъ концамъ Россіи, вызываетъ негодованіе не однихъ тѣхъ людей, которыхъ дѣло ближайшимъ образомъ касалось, но общее негодованіе цѣлой партіи людей. Такъ подготовлялся тотъ заколдованный кругъ, который впоследствии будетъ совмѣщать въ себѣ все, что не поладило съ государствомъ, все, что не уложилось въ рамки государственнаго строя

Смѣнаясь въ кружки, чувствуя, слѣдовательно, себя въ нѣкоторомъ родѣ силою, расколъ не могъ не придти къ мысли объ упорномъ сопротивленіи правительству въ распоряженіяхъ, задѣвавшихъ его убѣжденія. Такъ-называемый соловецкій бунтъ былъ первою попыткою раскола въ этомъ родѣ.

Какъ ни смягчайте гражданское значеніе соловецкаго дѣла, все-таки самый фактъ *стоянія* монаховъ слишкомъ краснорѣчиво говоритъ самъ за себя. Раскольники отказали въ повинновеніи правительству, подали руку политическимъ преступникамъ—это обстоятельство уже хорошо характеризуетъ ихъ отношеніе къ гражданской власти. Ясно, что вредить правительству упалъ въ глазахъ раскола.

За соловецкимъ бунтомъ послѣдовали новыя казни, новыя аресты, ссылки, вырѣзываніе ушей и языковъ, закапыванье живьемъ въ землю, костры и плахи. Рѣками полилась кровь. И, что всего важнѣе, всѣ апостолы раскола закончили болѣе или менѣе трагическимъ образомъ. Отъ этого въ глазахъ народа, они конечно стали еще выше. Явились ихъ жизнеописанія. Развилась цѣлая историографія, или говоря вѣрнѣе—цѣлый эпическій циклъ. Понятно, какіе идеалы чертила эта литература. Все, что было гонимо правительствомъ, возведено здѣсь до апофеозы. Расколъ является здѣсь невинною жертвою бездушной жестокости правительства. Въ соотвѣтствующей степени унижено и правительство. Оно трактуется здѣсь, какъ орудіе демонской злобы.

Вотъ канва, на которой раскольническій эпосъ рисуетъ свои затѣйливыя картины: какойнибудь человекъ древняго благочестія приводится на судъ, безбоязненно исповѣдуетъ здѣсь свою

вѣру; судьи подвергаютъ его жестокимъ истязаніямъ; но благодать божія сохраняетъ страдальца.

Послушаемъ, какъ разсказываетъ, напрямѣрь, діаконъ Теодоръ о страданіи Аввакума, Лазаря и Епифанія. Собираются на соборъ «владыки греческіе и турскіе», и требуютъ къ себѣ Аввакума, Лазаря и Епифанія. Являются воины Христовы. Огрицаются ли старыхъ книгъ, спрашиваютъ ихъ. Въмѣсто изъявленія покорности, соборъ слышитъ голосъ обличенія: «мы вашему отступленію, а не исправленію не покоряемся», отвѣчаютъ мужественные исповѣдники. Судьи приходятъ въ ярость, и приговариваютъ ихъ къ тяжкимъ наказаніямъ. Лазарю и Епифанію вырѣзали языки. Но здѣсь на помощь «мученикамъ» является божественная сила. «Лазарю во время страсти является пророкъ Ілія», и возвращаетъ потерянный органъ. Такое же чудо свершилось и съ Епифаніемъ. Онъ «ничто же глаголавшій два дня», получилъ языкъ отъ Пречистой Владычицы Богородицы ¹.

А вотъ другой поэгическій разсказъ того же автора. Въ лѣто 7177 (1669) г., февраля въ 17 день, приведены быша на царскій судъ два мниха, зятые за исповѣданіе старой вѣры. Самъ царь производитъ имъ допросъ. Старцы безбоязненно исповѣдуютъ предъ нимъ свои убѣжденія. И разгнѣванный царь даетъ повелѣніе ввергнуть ихъ въ «котелъ желѣзный и вельми разженный». Но преподобные отцы вышли изъ котла невредимыми. «Огнь на землю паде, яко же иней или мразъ, котелъ разсыдеса на трое, мужіе изыдоша живы и цѣлы, и царь повелѣ ихъ рустити на свою волю» ².

Совершенно очевидно, что это не поэзія вѣрнопопданничества. Здѣсь, въ этихъ разсказахъ, слышатся такіа ноты, которыя никакъ не гармонируютъ съ чувствами хорошаго гражданина. И такъ, вотъ какой духъ запечатлѣваетъ современную раскольническую поэзію! Нетрудно сообразить, какую опасность готовило правительству развитіе этого духа. Извѣстно, какое могущественное вліяніе имѣетъ народная поэзія на нравственное развитіе народа. Она есть истинная воспитательница народа. Подъ ея непосредственнымъ вліяніемъ складывается міросозерцаніе человѣка, образуется его чувство, получаетъ направленіе его вкусъ. Какое же, стало быть, было воспитаніе, которое получалъ расколъ, и на сколько это воспитаніе соотвѣтствовало интересамъ правительства! Въмѣстѣ съ поэгическими сказаніями, народъ усваивалъ себѣ ихъ духъ, враждебный правительству. Цѣлыя поколѣнія проникались этимъ духомъ.

¹ Въ сборникѣ библ. петерб. дух. акад. № 89.

² Записки А. В. Т. I, стр. 29—31.

Такимъ образомъ, въ самое непродолжительное время послѣ большого московскаго собора, въ расколѣ успѣло развиваться отношеніе къ власти, далеко несоотвѣтствующее идеалу вѣрноподданничества. Расколъ открыто отказывается въ повиновеніи правительству, услаждается сказаніями, компрометирующими правительство. Мысль о томъ, что правительство неправославно, что оно отступило отъ истины, распространяется болѣе и болѣе послѣ собора 1666 года, и обращается въ непоколебимое убѣжденіе народа послѣ соловецкаго кровопролитія и казни авторитетовъ раскола. Но русскій человѣкъ, незнавшій ничего выше и достойнѣе православія, жертвовавшій для православія самую жизнь, могъ ли уважать распоряженія царя неправославнаго? Это во первыхъ. А потомъ, могъ ли онъ вѣрить въ государя, который, по его мнѣнію, былъ несправедливъ къ нему, безвинно гвалъ его? Въ самомъ дѣлѣ, раскольники считали себя оскорбленными, преслѣдуемыми невинно. «Зачѣмъ ты братію свою такъ оскорбляешь?—писалъ Аввакумъ царю Алексѣю Михайловичу:—вѣдь всѣ мы имѣемъ одного отца, пже есть на небесѣхъ»¹. «Ты, самодержецъ, за всѣхъ отвѣчать будешь, ибо ты первый далъ смѣлость нападать на насъ»². Во ушію самого царя высказывались слѣдующаго рода назиданія: «Господиномъ зовется наипаче тотъ, кто владѣетъ собою и безмѣстнымъ страстямъ своимъ не работаетъ; но имѣетъ поборникомъ непобѣдимаго самодержца безсловесныхъ страстей, который всѣ похоти низлагаетъ всеоружіемъ цѣломудрія»³. Вѣдь это въ переводѣ на болѣе прямую рѣчь значить, что такого господина, какъ царь, и слушать не стоитъ; потому что онъ не есть истинный господинъ, такъ-какъ служить не Богу, а страстямъ своимъ. «Богъ судитъ между мною и царемъ Алексѣемъ—пишетъ тотъ же Аввакумъ уже по смерти Алексѣя, сыну его Θεодору Алексѣевичу.— Въ мукахъ онъ сидитъ, слышалъ я отъ Спаса. То ему за свою правду»⁴. Почитая царя неправославнымъ и неправосуднымъ, расколъ, очевидно, долженъ былъ терять и вѣру въ него. Самые факты обыденной жизни, съ каждымъ днемъ сильнѣе и непоколебимѣе убѣждали раскольниковъ, что имъ нечего ждать отъ правительства. «Здѣ бо и отъ сего часа на горшая происходитъ будетъ царьми неблагочестивыми»⁵, сказалъ діаконъ Θεодоръ,

¹ Разказы изъ ист. старообр., Максим. стр. 92.

² Тамъ же стр. 94.

³ Тамъ же.

⁴ Записки А. Б. Т. II, стр. 38.

⁵ Шаповъ. Русск. раск. стар., стр. 93.

и, намъ кажется, высказалъ результатъ продолжительныхъ думъ, задушевную мысль раскольниковъ своего времени.

Но чѣмъ болѣе расколъ терялъ вѣру въ правительство, тѣмъ сильнѣе онъ начиналъ вѣрить въ себя, въ собственную силу. И нужно сказать, что въ обстоятельствахъ того времени было слишкомъ много условій, питавшихъ и укрѣплявшихъ эту самоувѣренность раскола. Расколъ видѣлъ, что онъ не падаетъ, но вѣрплетъ подъ гнетомъ преслѣдованія. Онъ видѣлъ, что онъ побѣждаетъ правительство своею стойкостію. Легко понять, какъ это сознаніе возвышало и надмѣвало духъ раскола. Расколъ приобрѣталъ увѣренность въ томъ, что онъ непобѣдимъ, что его, какъ «стадо Христово», не одолѣютъ врата адавы. Сочувствіе народной массы еще болѣе поддерживало расколъ въ его самоувѣренности. Въ самомъ дѣлѣ, народъ не могъ не сочувствовать раскольниковамъ. Русскій человѣкъ вообще жалостливъ къ несчастному ближнему. Онъ прощаетъ своему врагу, забываетъ все то, что онъ потерпѣлъ отъ него, видя его въ страдальческомъ положеніи. Съ какимъ же состраданіемъ долженъ былъ смотрѣть народъ на раскольниковъ, которыхъ преслѣдовали и мучили за вѣру! Съ колодками на ногахъ, съ ороуавленными и искалеченными членами, съ энергическою рѣчью на устахъ, раскольники представляли изъ себя истинныхъ героевъ. Но какому герою, какой нравственной доблести не сочувствуютъ? Безспорно, расколъ возбуждалъ сердечное сочувствіе народныхъ массъ. А это обстоятельство еще поддерживало въ немъ высокое сознаніе собственного достоинства.

Итакъ расколъ потерялъ вѣру въ правительство и въ то же время приобрѣлъ непоколебимую вѣру въ себя, въ собственную силу. Какой могъ быть выходъ изъ этой комбинаціи? Не было ничего легче для раскола, какъ прійти къ той мысли, чтобы собственною силою приобрѣсть себѣ тѣ права, въ которыхъ отказывало ему правительство. Расколъ изъ положенія оборонительнаго переходитъ теперь въ положеніе наступательное.

Стрѣлецкій бунтъ 25-го мая — 5-го іюня 1682 года былъ первымъ открытымъ нападеніемъ на государство. Расколъ очень искусно воспользовался смутными обстоятельствами, въ которыхъ находилось тогда государство. Правительство едва держалось. Стрѣльцы сдѣлались истинною его грозой. Къ этой-то страшной силѣ обращается въ ту пору расколъ, и употребляетъ ее, какъ орудіе къ достиженію своей цѣли — признанія своей полноправности. «Видаще стрѣлецкую дерзость во всемъ и смущеніе въ, государствѣ—говоритъ очевидецъ—врази святыхъ церкви раскольники, нарицаемые капитоны, начаша на св. церковь ратовати

народъ простой возмущати, присовокупиша лестными глаголаніи къ тому своему начинанію многихъ служилыхъ людей, грамотѣ неумѣющихъ, къ нимъ же и изъ посадскихъ людей иѣды неискусные пристава»¹. Однимъ словомъ, раскольники всполошили всю московскую чернь, и рѣшились произвести угрожающую демонстрацію въ пользу старой вѣры. Расколъ, очевидно, рассчитывалъ здѣсь на собственную силу. Раскольническіе проповѣдники ходили по городу и возбуждали народныя страсти. «Кричали—говорить преосвѣщ. Игнатій—воплемъ велиимъ: постоите, православніи народи, за истинную вѣру; нынѣ убо нѣсть истинныя церкви на земли—ни въ Руси, ни во грекахъ»². Съ тою же цѣлію возбужденія фанатизма толпы устроивался раскольниками священныя процессіи. И страсти, дѣйствительно, закипѣли. Мужики собирались на площади кучами, и «все совѣщали: како бы имъ вѣру старую утвердить? зане якобы уже ни въ коемъ государствѣ православныя вѣры не обрѣтается»³. Кто рѣшался возвысить голосъ противъ толпы, «тѣхъ, яко дикіе звѣри ярящися, невнимающіе правдѣ, при всемъ народѣ били безъ пощады, и оное свое свирѣпое бѣненіе вмѣняли, аки поборники правыя вѣры и тоя оборонители»⁴. Наконецъ, вся эта разъяренная толпа устремляется къ Кремлю. Происходившія затѣмъ сцены такъ хорошо извѣстаны, что нѣтъ надобности описывать ихъ подробно. Энергическія требованія возстановленія старой вѣры; вопли противъ репрессивной политики правительства; дерзости освященному собору церковной іерархіи; дерзости, сказанныя въ лицо правительницѣ; затѣмъ опять—самочинныя процессіи, дерзкія выходы противъ официальной вѣры, новыя уличныя сцены и т. д. Всколыхалось бурное море мятежной черни, и богъ-знаетъ, къ чему бы повело это волненіе, еслибы изворотливый умъ Софьи не изыскалъ средствъ заблаговременно остановить это страшное броженіе. Расколъ проигралъ оттого, что оперся на силу уже одрахлаѣвшую и изживавшую свой вѣкъ. Стрѣльцы въ эту пору неспособны были вести борьбу за какіе нибудь принципы. Это были люди, служившіе страстямъ и мелкимъ интересамъ. Хорошій угощеньемъ легче было приобрѣсти расположеніе стрѣльцовъ, нежели нравственною доблестію. Умная Софья, хорошо знавшая, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, умѣла переманить стрѣльцовъ на свою сторону. Раскольники остались безъ всякой помощи; и сами

¹ Записки Сильверста Медвѣдева. Изд. Сахарова, стр. 17—18.

² III посл. Игн. Рук. петерб. ак. библ. Л. 76 на об.

³ Записки Медв. Изд. Сахарова, стр. 18.

⁴ Тамъ же.

же стрѣльцы «обратипаса злобою веліею на правовѣрныхъ, начаша имати и бити ихъ, глаголюще: вы, бунтовщики, всѣмъ царствомъ возмутите»¹. Такъ кончилась первая сознательная агитація раскола противъ законнаго правительства.

Но, очевидно, что такое случайное обстоятельство, какъ неожиданная измѣна стрѣльцовъ, не могла уронить мужества фанатизированной толпы. Раскольники, эти «возмутители всего царства», задавленные въ Москвѣ, встаютъ еще съ большею дерзостію по другимъ городамъ. И московская исторія тысячу разъ повторилась потомъ въ отдаленныхъ украинахъ русскаго царства. Новыя репрессивныя мѣры, превзошедшія жестокостію мѣры прошлаго времени, нещадившія ни праваго, ни виноватаго, подвергавшія казнямъ не только закоснѣлыхъ раскольниковъ, но и обратившихся къ единству съ церковью, не только самихъ раскольниковъ, но и людей, состоявшихъ съ ними въ связяхъ—эти новыя мѣры еще болѣе разжигали огонь вражды къ правительству, еще болѣе ожесточали расколъ и невольно вызывали его на новыя выходы религіознаго энтузіазма. Со времени изданія указныхъ статей 7 апрѣля 1685 года, раскольническія движенія не прекращаются до конца столѣтія; и только такъ блпстательно организованная полиція, какова была у Петра, могла подавить это многолѣтнее народное движеніе.

Московскія событія произвели глубокое впечатлѣніе въ провинціи. Многіе сердечно сочувствовали происшедшимъ въ Москвѣ беспорядкамъ. Многіе готовы были отозваться на призывъ раскольниковъ. По московскому государству пошли разные слухи, смущавшіе и ужасавшіе его мирныхъ обитателей. И правительство должно было 21 мая 1683 года издать указъ, которымъ запрещалось, подъ страхомъ смертной казни, возбужденіе и распространеніе подобныхъ толковъ². Но указами нельзя было остановить того, что было результатомъ всѣхъ жизненныхъ данныхъ того времени. Народное волненіе продолжалось, потому что были обстоятельства, которыя поддерживали напряженное состояніе народнаго чувства. Гоненіе на расколъ продолжалось въ полной силѣ. Раскольникамъ оставалось одно изъ двухъ: или подставить голову, или—бѣжать отъ государства. Самосожженіе и развѣтѣ бѣгства составляютъ два характеристическія явленія этого времени. И самосожигатели и бѣгмецы имѣли одну цѣль—недаться живыми въ руки правительства, которое они ненавидѣли. Бѣгство, разумѣется, все-таки было удобнѣе; и потому оно раз-

¹ Три челоб., изд. Кожанч. стр. 142.

Перв. П. . . Т. II, № 1014.

вивается въ это время до громадныхъ размѣровъ. Изъ новгородской епархіи, напримѣръ, бѣгутъ цѣлыми семействами и деревнями въ Швецію ¹.

Бѣгле раскольники были истинною грозой московскаго государства. Они сдѣлались открытыми врагами отечества и были тѣмъ опаснѣе, что преслѣдованіе ихъ представляло неодолимныя трудности. Раскольники уходили цѣлыми шайками и засѣдали въ дикихъ и неприступныхъ мѣстахъ. Такъ въ 1689 году прапорщикъ Аннѣй Портновскій, посланный для сыску раскольниковъ, открылъ ихъ пристанище среди непроницаемыхъ лѣсовъ заонежской области ². Въ 1693 году было открыто скопище раскольниковъ въ Рогозерской пустынѣ ³. Само собою разумѣется, что подобныя партіи должны были имѣть оружіе, по крайней-мѣрѣ, для обороны отъ дикихъ звѣрей. И дѣйствительно, мы знаемъ, что бѣгле раскольники всегда располагали достаточнымъ количествомъ оружія. Когда упомянутый выше Аннѣй Портновскій возвращался со своей экспедиціи, раскольники по ночамъ стрѣляли въ его отрядъ изъ пищалей ⁴. У раскольниковъ, засѣвшихъ близъ Пудожа, было 100 пищалей и два четверика пороху ⁵. Обладая оружіемъ, укрѣпляясь въ неприступныхъ мѣстахъ, раскольники нерѣдко были совершенно неуловимы для правительства. Въ 1688 году, напримѣръ, донскіе казаки доносили царю, что близъ Тамбова и Козлова раскольники «живутъ въ большихъ крѣпостяхъ». Станичный атаманъ Осипъ Михайловъ ходилъ на нихъ съ 1,000 казаковъ, но ничего не въ силахъ былъ сдѣлать ⁶. Теперь понятно, какъ удобно было раскольникамъ дѣлать разбойничьи набѣги изъ своихъ «воровскихъ городковъ». Мы видимъ, въ самомъ дѣлѣ, что раскольники пользуются этою возможностью. Сѣверозападъ и юговостокъ Россіи находились въ постоянной опасности отъ набѣговъ раскольниковъ. Въ 1687 году раскольники нападаютъ на Палеостровскій монастырь ⁷. Въ 1689 году повторяютъ нападеніе ⁸. Въ 1693 году какіе-то неизвѣстные люди, между которыми, однакожь, можно было признать раскольниковъ, дѣлали нападеніе на Черный Яръ. Нападавшихъ было до 1,000 человекъ. Они представляли изъ себя настоящую орду номадовъ:

¹ Акт. ист. Т. V, № 127.

² Акт. ист. Т. V, № 151, III.

³ Акт. ист. Т. V, № 223, III.

⁴ Акт. ист. Т. V, № 151, III.

⁵ Акт. ист. Т. V, № 223, III.

⁶ Перв. П. С. З. Т. II. № 1310.

⁷ Акт. ист. Т. V, № 151, I.

⁸ Тамъ же II, III.

путешествовали цѣлымъ домою, даже гоняли за собой и стада¹. Нападеніе было отбито, но, судя по слухамъ, грозило повториться². Въ томъ же году, 21 іюля, раскольники, въ числѣ 200 человекъ, подъ предводительствомъ Василья Емельянова, напали на пудожскій погостъ, побили и пограбили поповъ, «домишки ихъ разорили», вломились въ церковь, овладѣли ею, омыли отъ еретической скверны иконы и кресты, евангеліе и церковныя книги вынесли изъ церкви и устроили свои богослужebные порядки. 23-го іюля они совершили торжественную процессію кругомъ церкви. 1-го августа совершили такую же процессію на Іорданъ. 12-го августа приходили въ церковь строемъ, съ оружіемъ въ рукахъ, пѣли заутреню и вечерню. Потомъ они заперлись въ четырехъ избахъ; покуда была возможность — отбивались отъ государевыхъ людей, наконецъ предались самосожженію³. Въ 1696 году «воровскіе люди и раскольники» производили грабежи на Волгѣ и Каспійскомъ морѣ⁴.

Въ такомъ положеніи были дѣла въ исходу XVII вѣка, въ ту пору, когда начиналъ оперяться и расправлять свои крылья орелъ великаго преобразователя. Вслѣдъ затѣмъ, въ землѣ русской происходитъ радикальный переворотъ. Московское царство преобразуется въ всероссійскую имперію. Старыя формы государственной и общественной жизни однѣ за другими падаютъ. Всѣ условія общественнаго быта измѣняются. Старая правительственная система, построенная въ чисто-національномъ вкусѣ, рушилась. Явилась новая система, которая положила въ основаніе правительственнаго зданія начала общеевропейской цивилизаціи. Всѣ порядки, выработанные вѣковой жизнью народа — сломаны, чтобы дать мѣсто новымъ порядкамъ, выработаннымъ чужимъ умомъ, чужою жизнью. Политика, управлявшаяся доселѣ чувствомъ національной исключительности, теперь запечатлѣвается характеромъ новаторства и заимствованія.

Вся сущность петровскихъ реформъ заключалась въ привнесеніи въ народную жизнь иноземныхъ началъ. Но извѣстно, что расколъ въ области религіи отстаивалъ не что иное, какъ народность и вопіялъ противъ иноземнаго вліянія. Расколъ отстаивалъ мѣстное, русское православіе — православіе, обставленное извѣстными особенностями, выработанными національно-религіозною жизнью русскаго народа. Что это такъ, довазательствомъ

¹ Акт ист. Т. V, № 220.

² Тамъ же. № 221.

³ Тамъ же. № 228.

⁴ Тамъ же, № 254.

тому служатъ всѣ первоначальныя апологическія произведенія раскольниковъ. Всѣ они громко вопіютъ противъ вліянія Греціи на наши церковныя дѣла. «Пріѣзжіе нехан» свели съ ума Никона и его справщиковъ, по словамъ перваго раскольникяго челобитчика Савватія ¹. Никита, суздальскій попъ, въ своей челобитной «хулить... четыре патріархи греческіи и иныя отъ нихъ поставляемыя архіерен же и іерен, паче же и весь греческій народъ, глаголя ихъ немущія быти св. крещенія; и увѣщевааетъ російскій народъ съ ними ни въ чесомъ соединитися; писанія же ихъ и вся священныя книги повѣдаетъ полны быти различныхъ ересей и развращеній» ². Еще яснѣе высказываются соловецкіе челобитчики. Они прямо жалуются государю, что никоновы справщики унизили русскую православную вѣру, въ которой скончались православные государи, которою спаслись многіе русскіе святые; а «тѣмъ — говорятъ челобитчики царю — тѣмъ, государь, греческими книгами они православную вѣру до толка истребили, яко бы и нѣсть православія въ твоёмъ государствѣ, російскомъ царствіи» ³. Какъ ясно слышится здѣсь оскорбленное національное сознаніе!

Но, отстаивая принципъ національности въ той области, которая менѣе всего допускаетъ ограниченій со стороны мѣста и времени, могъ ли расколъ, оставаясь вѣрнымъ самому себѣ, остаться равнодушнымъ къ противонаціональнымъ реформамъ Петра? Очевидно, что перекраиваніе русской жизни по иноземнымъ образцамъ должно было вызвать со стороны раскола такой же энергическій протестъ, каковой онъ заявилъ противъ провѣрки мѣстнаго православія критеріемъ вселенской истины.

Послѣ всего сказаннаго, понятно, какого рода переворотъ долженъ былъ послѣдовать въ правленіе Петра — въ отношеніяхъ раскола къ правительству. Мы видѣли, что во времени Петра уже успѣла развиться въ расколѣ вражда къ правительству. Но эта вражда до сихъ поръ имѣла личный характеръ. Расколъ враждовалъ на правительство за несправедливость, за преслѣдованіе. Собственно противъ государства и правительственной системы онъ не имѣлъ ничего. И если онъ враждовалъ на правительство, то только потому, что само правительство относилось къ нему далеко неблагосклонно. Въ XVIII вѣкѣ вражда раскола къ государству изъ личной обращается во вражду по принципу. Расколъ забылъ, что онъ обиженъ правительствомъ, и всею глуби-

¹ Три челобитныя, изд. Кожанчикова стр. 27.

² Дополн. къ акт. ист. V, 449—450; Дѣянія Моск. соб. д. 5.

³ Три челоб., изд. Кож. стр. 148, 167.

ною души возненавидѣлъ новый правительственный духъ. Расколъ возненавидѣлъ самое государство, и отнынѣ будетъ враждовать не только противъ лицъ, но противъ учреждений, не только противъ извѣстныхъ постановленій государства, но противъ всего государственнаго строя. Со времени Петра, расколъ становится, въ строгомъ смыслѣ слова, противогосударственнымъ. На дѣлѣ— онъ заявляетъ себя противъ государства заговорами и бунтами политическаго характера; въ области теоріи — противогосударственнымъ ученіемъ.

Мы видѣли, что расколъ уже въ XVII вѣкѣ достаточно былъ подготовленъ къ противогосударственной дѣятельности. Онъ уже потерялъ уваженіе къ законному правительству, привыкъ вретиковать его дѣйствія, даже не разъ уже съ оружіемъ въ рукахъ защищалъ свою вѣру отъ правительства. Трудно ли было ему теперь, когда государство заявило свою антинаціональность, поднять знамя возмущенія противъ новаго государства? Тѣмъ легче и удобнѣе расколъ долженъ былъ взяться за такую роль, что въ качествѣ защитника національныхъ началъ, онъ не могъ не пользоваться полнымъ сочувствіемъ народныхъ массъ. Обстоятельства времени, такъ-сказать, невольно возбуждали расколъ къ политической агитаціи. Реформы Петра были встрѣчены полнымъ негодованіемъ въ большинствѣ народа. Негодованіе народа было такъ сильно и такъ распространено, что жизнь самого Петра до извѣстнаго времени была въ постоянной опасности. Еще въ 1689 году, по словамъ Голикова, у стрѣльцовъ составленъ былъ заговоръ съ цѣлію убить «царя Петра, вводящаго нѣмецкіе обычаи и нѣмецкое войско» ¹. Въ 1693 году какой-то монахъ проповѣдуетъ, что царю Петру недолго царствовать ². Въ томъ же году покушается на его жизнь монахъ, по фамиліи Ампресъ ³. Въ 1696 году, «за общимъ почти негодованіемъ, послѣдовалъ новый страшный заговоръ на жизнь государя», заговоръ Циклера, Пушвина и Соковнина ⁴. Можно представить, какъ былъ фанатизированъ народъ, какъ глубоко было его негодованіе противъ затѣвавшагося Петромъ дѣла. Въ народѣ родилась политическая оппозиція. Но на что народъ могъ опереться въ своемъ политическомъ отрицаніи? У него не было другой нравственной силы, кромѣ религіи. Народъ протестуетъ противъ реформы во имя религіи. Итакъ, политическая оппозиція не могла существовать самостоятельно. Она могла только составить элементъ оппозиціи

¹ Голиковъ 1, 210—211.

² Тамъ же, стр. 241.

³ Стр. 552.

⁴ Стр. 283.

церковной, и составила. Расколъ — партія оппозиціи церковной — дѣлается центромъ, около котораго группируется оппозиція государственная. Расколъ, силою обстоятельствъ, вовлеченъ въ положеніе представителя національныхъ интересовъ противъ антинаціональнаго правительства. Надежды народа обратились къ расколу. Подъ знаменемъ раскола возникаютъ народныя движенія, направленные къ уничтоженію новыхъ государственныхъ порядковъ. Всѣ эти движенія происходятъ въ юго-восточной украинѣ Россіи, которая съ давнихъ поръ сдѣлалась гнѣздомъ и притономъ раскола.

Когда велѣно было въ Астрахани «нѣмецкое платье носить, и усы и бороды брить, и збирати новые сборы», «въ народѣ начали оттого стонать»¹. Это стenanіе народа имѣло своимъ послѣдствіемъ страшный заговоръ стрѣльцовъ, клонившійся къ нспроведенію всего вводившагося порядка. Составленъ былъ въ 1705 году планъ возмутить всѣ города, идти потомъ на Москву, перебить бояръ и особенно — «нѣмцовъ всѣхъ, кто бѣ гдѣ попался, мужеска и женска пола», а потомъ бить челомъ государю, чтобы велѣлъ быть старой вѣрѣ, и нѣмецкаго платья не носить и бородъ не брить². Заговорщики начали тѣмъ, что убили астраханскаго воеводу Ржевскаго со всѣмъ семействомъ, перебили другихъ знатныхъ людей до 300 человекъ. Вслѣдъ затѣмъ, они вступили въ переговоры съ сосѣдними городами и увлекли за собою Красный Яръ, Черный Яръ, гребенскихъ и черскихъ стрѣльцовъ. Весь юго-востокъ Россіи колыбался. Петръ отправилъ сюда фельдмаршала Шереметева. Послѣ переговоровъ, неизвѣвшихъ никакого успѣха, фельдмаршалъ долженъ былъ обложить Астрахань. Бунтовщики заперлись въ городѣ, отстрѣливались отъ царскихъ войскъ и поклялись между собою обороняться до смерти. Попытка взять Астрахань приступомъ не удалась, и Шереметевъ открылъ канонаду по городу. Сильное дѣйствіе бомбардировки заставило мятежниковъ побориться. 13-го марта Шереметевъ вступилъ въ Астрахань. Такъ кончилась эта первая вспышка народныхъ страстей въ правленіе Петра. По словамъ Голицева, «утушеніе этого мятежа Петръ уподоблялъ важнѣйшимъ побѣдамъ»³.

Но этимъ дѣло не могло окончиться. Юго-востокъ Россіи надолго еще сохранялъ за собою значеніе центра всякихъ противогосударственныхъ движеній. Сюда со всѣхъ концовъ Россіи стекалось все, что не могло уложиться въ рамки петровской

¹ Раск. Д. XVIII ст. Т. II. Прил. стр. 101.

² Голицевъ. 2, 193. Раск. д. XVIII ст. Прил. стр. 103.

³ Голицевъ. 2, 188—193.

имперіи. Сюда по преимуществу тянули раскольники, которые не могли внутри Россіи укрыться отъ сыщиковъ государя. Здѣсь улегалась всѣ элементы, производившіе броженіе въ государствѣ. Юго-востокъ Россіи сдѣлался истиннымъ кратеромъ политическихъ страстей, который періодически извергалъ свою лаву на внутреннюю Россію. Едва былъ подавленъ бунтъ 1705 — 1706 года, здѣсь подготавливался уже новый бунтъ подъ тѣмъ же знаменемъ, съ тѣми же тенденціями, но въ размѣрахъ гораздо болѣе угрожающихъ. Въ 1708 году донской походный атаманъ Кондратій Булавинъ попалъ пѣхью на отрядъ князя Долгорукова, посланный на Донъ для розыскиванія бѣглыхъ, разбилъ его на голову и перерѣзалъ всѣхъ до одинаго. Вслѣдъ затѣмъ, Булавинъ рассылаетъ по всѣмъ станицамъ возмутительное письмо, въ которомъ повелѣваетъ «всѣмъ старшинамъ и казакамъ за домъ Пресвятая Богородицы и за истинную христіанскую вѣру и за все великое войско Донское, также сыну за отца, брату за брата, и другу за друга стать и умереть за одно; ибо зло на насъ помышляютъ, жгутъ и казнятъ напрасно, и злыя бояра и нѣмцы вводятъ въ насъ еллинскую вѣру и отъ истинной христіанской вѣры отвратили...» «А буде кто или которою станицею сему нашему войсковому письму будутъ послушны и противны — прибавляетъ Булавинъ тономъ истиннаго демагога — тому будетъ учинена смертная казнь безъ пощады»¹. Программа бунтовщиковъ оставалась прежняя: Булавинъ хотѣлъ идти къ Москвѣ, перебить бояръ и нѣмцевъ. Многочисленное войско Булавина главнымъ образомъ состояло изъ бѣглецовъ. По крайней-мѣрѣ всѣ, взятые потомъ въ плѣнъ, его сообщники принадлежали къ этой категоріи². Послѣ всего этого уже не остается никакого сомнѣнія, что Булавинъ произвелъ движеніе въ интересахъ той же старой вѣры, за которую бились его предшественники 1705 года.

Движеніе Булавина грозило чрезвычайно печальными послѣдствіями для государства. Въ короткое время онъ поднялъ весь Донъ и послалъ пятитысячный отрядъ для взятія Азова. Все это происходило въ ту пору, когда къ предѣламъ Россіи приближался побѣдоносный Карлъ XII. Государь послалъ противъ бунтовщиковъ 20,000 войска, подъ начальствомъ князя Долгорукова, брата убитаго матежниками. 11-го мая Долгоруковъ доносилъ государю, что онъ разбилъ товарища Булавина, Хохла, съ 15,000 войска. Азовъ также счастливо отдѣлался отъ казаковъ. Наконецъ, самъ Долгоруковъ и атаманъ Илья Зерновъ нанесли окончатель-

¹ Голицковъ. 2, 486—487.

² Голицковъ. 2, 450.

ныя пораженія бунтовщикамъ. Государь, получивши извѣстіе о послѣднихъ побѣдахъ, торжественно отпраздновалъ ихъ: отслуженъ былъ благодарственный молебенъ, произведены 87 пушечныхъ выстрѣловъ и троекратный залпъ мелкаго оружія отъ всей арміи *. Движеніе на Дону однакожь продолжалось еще нѣсколько времени, отвлекая вниманіе и силы государства отъ страшнаго Карла, уже вступившаго въ предѣлы Россіи.

Такъ отозвалась петровская реформа на практической дѣятельности раскола. Не менѣе важными послѣдствіями сопровождалась она и для теоретической области раскола. Мы видѣли, какимъ духомъ проникнута была раскольничья литература XVII вѣка. Неуважительное и злобное отношеніе къ законному правительству составляло характеристическую черту раскольничьяго эпоса. Но, какъ извѣстно, масштабомъ жизни служить не чувство, а мысль. Поэтому чувство вражды къ правительству, проявлявшееся въ теоретической дѣятельности раскола XVII вѣка, должно было рано или поздно осмыслиться, опереться на какой-нибудь минимума-раціональный принципъ. Это — первая причина, которая побуждала расколъ къ развитію цѣлостнаго и опредѣленнаго воззрѣнія на государство и гражданскую власть. Происходившая затѣмъ ломка въ государствѣ, страшныя явленія, возникавшія предъ глазами раскола въ области гражданской жизни, явленія, къ которымъ нельзя было отнестись равнодушно, безъ всякаго чувства и безъ всякой мысли — все это еще сильнѣе затрогивало народную думу, и опредѣленный, законченный взглядъ на правительство и государство становился насущною потребностію раскола. И эта потребность, этотъ вопросъ не могъ остаться безъ удовлетворительнаго отвѣта. Въ царствованіе Петра расколъ выработалъ свое государственное ученіе, свою политическую теорію, свои политическія убѣжденія. Не въ состояніи будучи отрѣшиться отъ своей національной исключительности, не отдѣляя своего отъ православнаго и чужого — отъ еретическаго, расколъ посмотрѣлъ на дѣло Петра, какъ на измѣну христіанству, какъ на возвращеніе къ язычеству. Мистико-апокалипсическія схемы, подъ которыми расколъ мыслилъ дѣло церковнаго преобразованія, цѣлкомъ перепесены на дѣло гражданскаго преобразованія. И Никонъ, и Петръ были одинаково противонаціональны, и, съ точки зрѣнія раскола, одинаково богоборны. Но Никона называли антихристомъ еще первые расколоучители. Расколъ очень послѣдовательно пришелъ къ той мысли, что и Петръ — антихристъ.

* Голицковъ. 2, 447—448.

Любопытно прослѣдить тотъ процессъ мышленія, результатомъ котораго явилась мысль о царѣ, какъ антихристѣ. Любовь къ царю составляла характеристическую черту русскаго народа. Народъ прославлялъ царей и князей въ пѣсняхъ и былинахъ. Въ православныхъ русскихъ государяхъ народъ видѣлъ живые свои идеалы. Нигдѣ государи не были такъ популярны, какъ у насъ. Это зависѣло оттого, что нигдѣ не было такого единства интересовъ, вкусовъ и жизненныхъ потребностей между царемъ и подданными, какъ у насъ въ допетровской Россіи. И управляющіе и управляемые въ сущности жили одною жизнью. Все то, что почиталось достоинствомъ въ кругу народа, имѣло ту же цѣну и для правительства. Всѣ тѣ цѣли, которыя преслѣдовалъ въ своей жизни народъ, были и цѣлями государей. И такъ-какъ высокое общественное положеніе доставляетъ болѣе удобствъ для выполненія какихъ бы то ни было цѣлей, то народъ видѣлъ въ высшихъ правительственныхъ лицахъ живое воплощеніе тѣхъ идеаловъ, предъ которыми онъ благоговѣлъ.

То же различіе общественнаго положенія обуславливало собою различіе степени образованія, которое должно было казаться тѣмъ ощутительнѣе, чѣмъ дальше шло время. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича народъ разошелся съ правительствомъ въ самомъ важномъ вопросѣ. Но здѣсь разногласіе заключалось въ частныхъ воззрѣніяхъ той и другой стороны, а не въ основномъ складѣ и не въ духѣ самаго міровоззрѣнія. При всемъ томъ и подобное разногласіе повело къ важнымъ послѣдствіямъ. Правительство и народъ раздѣлились. Но такъ-какъ правительство не потеряло еще своего народнаго характера, характера еоократическаго, то раздѣленіе не обѣщало быть продолжительнымъ. Расколъ не терялъ надежды рано или поздно поладить съ правительствомъ. Къ царю Алексѣю и къ царю Θεодору обращаются расколо-учители съ увѣщаніями и обличеніями. Въ правленіе Софьи дѣлается попытка возстановить старую вѣру при посредствѣ правительства. Расколъ не любилъ своихъ гонителей, но не терялъ надежды когда-нибудь опять полюбить ихъ.

Государственные подвиги Петра глубоко смутили народное сердце. Народъ увидѣлъ, что правительство проникается новымъ духомъ, которому онъ, съ своей національно-православной точки зрѣнія, не могъ сочувствовать. Церковь, до сихъ поръ такъ глубоко проникавшая государство, отдѣляется отъ него; выдвигаются на первый планъ государственные интересы, государственныя цѣли. Созидается государство, чуждое народу по духу и идеямъ. Народъ увидѣлъ въ этомъ гибель благочестія. Государь хочетъ уничтожить вѣру христіанскую, заговорили въ на-

родѣ. Царелюбивое сердце никакъ не хотѣло помириться съ тою мыслью, что государство отнынѣ будетъ слѣдовать новому направленію. Народъ думалъ, что Петръ находится во временномъ заблужденіи, что онъ опутанъ злыми людьми. И вотъ къ престолу Всевышняго шлются теплыя мольбы объ обращеніи Петра на путь истины: «Услышь, услышь, святая, соборная церковь со всѣми херувимскимъ престоломъ и съ евангеліемъ и сколько въ томъ евангеліи святыхъ словъ — всѣ вспомните о нашемъ царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ. Услышь, святая соборная апостольская церковь, со всѣми мѣстными иконами и съ честными мелкими образами, со всѣми съ апостольскими книгами, и съ паникадилами, и съ мѣстными свѣщами и со святыми пеленами, и съ честными ризами, съ каменными стѣнами и съ желѣзными плитами, со всякими плодоносными древами... О, молю и прекрасное солнце, возмолись царю небесному о царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ! О, младъ свѣтель мѣсяць со звѣздами! О, небо съ облаками! О, грозныя тучи съ бурными вѣтрами и вихрями! О, птицы небесныя и поднебесныя! О, синее море съ рѣками и съ мелкими источниками и съ малыми озерами! Возмоляйтесь царю небесному о царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ, и рыбы морскія, и скоты польскіе, и звѣри дубровныя, и поля, и вся земнородныя возмоляйтесь въ царю небесному о царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ» *.

Но проходили дни и годы. Петръ не обнаруживалъ исправленія. Тогда пошли другіе толки въ народѣ. Народъ никакъ не хотѣлъ повѣрить онѣмеченію православнаго государя. Въ умѣ его возникли другія предположенія. Стали глухо поговаривать о томъ, что Петръ—не русскій. Эта мысль облетѣла всю Россію, сдѣлалась народнымъ убѣжденіемъ, и породила множество легендъ насчетъ мнимаго происхожденія Петра. Приводимъ здѣсь одинъ любопытный документъ, который даетъ возможность судить о характерѣ этихъ легендъ.

«Хотя бѣ въ регламентѣ морскомъ — писалъ въ 1723 году, Козьма Бунинъ, секретарь адмирала Сиверса — и въ указѣхъ его императорскаго величества о предохраненіи чести и здравія его величества положено не было, то мню, что не стерпитъ человѣческая совѣсть, ежели кто сущій христіанинъ и ненарушитель присяги, въ себѣ заключитъ, слыша нижеписанныя поношенія противъ персоны его величества, яко же азъ слыша всеижайше, безъ всякихъ притворовъ, но самую сущюю правдою при семъ

* Раскольникы дѣла XVIII ст. стр. 193, т. II.

доношу, оставя вси простоглаголивые страхи во всемилостивѣйшую волю его императорскаго величества».

Вслѣдъ за этимъ красноглаголивымъ вступленіемъ Бунинъ повѣствуетъ о родинахъ своей жены и о ночной своей бесѣдѣ съ повивальною бабкой Маримьяной, при чемъ начпнаетъ бесѣду съ своей жалобы на бѣдность. На эту жалобу Маримьяна, по увѣренію Бунина, отвѣчала такъ:

«Когда война была, то вамъ (морякамъ) деньги всегда давались безъ задержанія; а нынѣ войны нѣтъ, такъ и денегъ нѣтъ! Да, царя даль намъ Богъ война: все бы ему воевать! Ужь и то вся чернь отъ войны раззорплась; можно бы ужь нынѣ дать людямъ и покой.

«На слова эти, пишетъ Бунинъ, я отвѣтствовала такъ: «что ты, баба, бредишь? сіе не отъ государя, но Богу тако быти соизволившу». Но она вице умножила рефлексіи на персону его императорскаго величества, говоря такъ: «сей-де царь не царской крови и не нашего русскаго роду, но нѣмецкаго». Что я — продолжаетъ Бунинъ — зѣло утрашило и удивило, и повудило немедленно отъ оной требовать яснаго объ этомъ доказательства, видя такую велию причину: что како сему быти мощно? Она же мнѣ рекла: «тако-де сіе учинилось: когда-де блаженныя памяти царь Алексѣй Михайловичъ изволилъ сказать царюцѣ Наталіи Кириловнѣ: уже-де ты родила осмь дочерей, а ежели-де нынѣ паки родишь дочь, то-де велю тебя постричь; и въ то-де время она царица была чревата. И когда-де случилось ей родить, то-де родила еще дочь, и убоюсь-де того гнѣва, велѣла немедленно сыскать младенца мужскаго пола, который въ тѣ часы родился. И въ то-де время посланные не могли ни гдѣ такого младенца русскаго сыскать, но сыскали-де у иноземца мальчика, нынѣшняго государя, и объявили-де, будто родились двойни: одинъ мужеска и другой женска полу младенцы. Такъ-то-де его и подмѣнили». Что я, повѣствуетъ далѣе Бунинъ, еще болѣе въ страхъ и удивленіе привело, и спросилъ ее паки: «какіе случаи она вѣдаетъ о семъ?» Она же мнѣ рекла такъ: «нетолько-де я вѣдаю, вѣдаютъ-де и многіе господа и другіе, но не смѣютъ о семъ говорить. Еще жь-де, когда я была у города Архангельскаго, сказывалъ-де мнѣ иноземецъ съ клятвою, что сей-де царь подлинно нашъ природный, и посмотри-де, какая отъ него въ намъ будетъ милость; въ тому жь-де (и мнѣ сказала) и ты посмотри, кого онъ такъ жалуетъ, что иноземцевъ». На что я отвѣтствовала: «что его величество жалуетъ всѣхъ за вѣрность и заслуги, несмотря на персоны, ктобъ какого званія ни былъ» *.

* Свѣточъ. 1862 г. Январь.

Такимъ образомъ, совѣсть народная была какъ бы разрѣшена. Петръ—самозванецъ, незаконный государь. При такой постановкѣ дѣла, очевидно, не оказывалось уже никакихъ препятствій къ развитію совершенно искреннихъ взглядовъ на дѣло Петра. Петръ—жидовинъ изъ колѣна Данова, Петръ—антихристъ; онъ хочетъ истребить на землѣ благочестіе—вотъ какая мысль была результатомъ думъ о Петрѣ.

Ученіе о Петрѣ, какъ антихриствѣ, было общимъ отвѣтомъ народа на его реформы. Это былъ выводъ русскаго ума изъ всѣхъ поступковъ и дѣйствій Петра. Хотя инициатива этого ученія, безспорно, принадлежала расколу, потому что расколъ давно уже проповѣдывалъ о пришествіи антихриста; но это обстоятельство не мѣшало мнѣнію о царѣ-антихриствѣ сдѣлаться популярнымъ въ средѣ православнаго народонаселенія; потому что оно какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало національнымъ предразсудкамъ русскаго человѣка. Отголоски этого мнѣнія мы встрѣчаемъ въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ современнаго общества. Проповѣдники и адепты ученія объ антихриствѣ, воплотившемся въ лицѣ царя, выходятъ изъ разнообразныхъ классовъ общества. Въ 1700 году начинается свою проповѣдь Григорій Талицкій, ремесломъ—книгописецъ ¹. Въ 1707 году въ Новгородѣ проповѣдуетъ царя-антихриста посадскій человѣкъ Григорій Нечаевъ ². Въ 1716 году, въ предмѣстьи Харькова, въ такомъ же тонѣ проповѣдуютъ какіе-то таинственные три монаха, «всѣ трое образомъ равны, а говорятъ по русски, только на греческую рѣчь походить» ³. Въ 1718 году, по поводу несчастной участи Алексѣя Петровича, разговоры о Петрѣ-антихриствѣ слышатся особенно часто. Офицеры кропоткова полка говорили въ дружескихъ бесѣдахъ между собою: «государь царевича запыталъ, и въ хомутѣ онъ умеръ за то, что онъ царевичъ богоискательный человѣкъ и не любилъ нѣмецкой политики» ⁴. А народъ еще прямѣе рассуждалъ: «царь не прямой царь, а антихристъ, приводилъ царевича въ свое состояніе, и онъ его не послушалъ и за то его и убилъ» ⁵. Въ 1719 году капитанъ Левинъ и попъ Лебедева дѣлятся своими мыслями о Петрѣ. Въ лазаретѣ, гдѣ лечился капитанъ Левинъ, больные толкуютъ о какихъ-то клеймахъ, которыя выписалъ императоръ изъ-за границы для того, чтобы

¹ Раск. дѣла XVIII ст. Т. I, статья о Талицкомъ.

² Тамъ же, стр. 18.

³ Тамъ же, стр. 10—11.

⁴ Тамъ же, стр. 11—12.

⁵ Тамъ же, стр. 11.

клеимить ими подданныхъ. Солдаты преображенскаго полка Иванъ Растригинъ говорятъ попу Лебедкѣ:

— Я не знаю, что дѣлать; хочу бѣжать изъ полка; я не признаю, что онъ у насъ государь; онъ—антихристъ.

— Какъ ты смѣло говоришь, замѣчаетъ попу Лебедка.

— Ничего! у насъ изъ офицеровъ многіе говорятъ для того, что онъ государь, въ одно время, училъ три роты на водѣ лѣтомъ; будто по льду подымаетъ; также и воду въ кровь превращаетъ ¹.

Въ 1722 году мы встрѣчаемъ адепта ученія объ антихриствѣ въ лицѣ старца пензенскаго предтеченскаго монастыря Іоны ². Въ это же время капитанъ Левинъ начинаетъ публичную проповѣдь противъ антихриста. Однажды въ церкви села Конопатева, по окончаніи обѣдни, Левинъ закричалъ съ клироса народу: «послушайте, православные христіане! слушайте! Нынѣ у насъ представленіе свѣта скоро будетъ. Государь нынѣ загналъ весь народъ въ Москву и весь его погубить... Вотъ здѣсь въ этомъ мѣстѣ (продолжалъ Левинъ, указывая на свою руку между указательнымъ и большимъ пальцемъ) царь будетъ ихъ пятнать, и стануть они въ него вѣровать»... ³ Вскорѣ потомъ Левинъ произнесъ подобную же рѣчь на базарѣ въ городѣ Пензѣ, помѣстившись на крышѣ мясной лавки, и поднявши на клюкъ свой монашескій клобукъ (Левинъ уже постригся тогда въ монахи). «Бойтесь, православные, антихристовыхъ печатей — такъ заключилъ Левинъ свою филиппику—бѣгите, скройтесь куда нибудь... послѣднее время... антихристъ пришолъ... антихристъ» ⁴.

Наконецъ, должны мы прибавить, мысль о воплощеніи антихриста въ лицѣ Петра, находила сочувствіе въ средѣ тогдашней высшей церковной іерархіи. Григорій Талицкій объяснял свои мысли тамбовскому епископу Игнатію. Игнатій выслушалъ его съ полнымъ вниманіемъ, согласился съ его положеніями, даже похвалилъ краснорѣчіе и усердіе Талицкаго. «Павлоны твои уста!» воскликнулъ преосвященный, выслушавъ объясненіе Талицкаго. — Я и самъ вижу, что все у насъ плохо дѣлается... да что жъ дѣлать? Мы слабы.» Игнатій попросилъ Талицкаго изложить на бумагѣ свои мысли, поточнѣе, «почему бы ему, Игнатію, въ томъ дѣлѣ негину познать.» Талицкій сталъ упрашивать преосвященнаго, чтобы онъ довелъ эту истину до свѣдѣнія патріарха, «чтобъ про то и въ народѣ было вѣдомо». Игнатій, однакожъ, не рѣшился на это посредничество, отговариваясь тѣмъ, что онъ одинъ, а одному ему неловко предъ-

¹ Раск. д. XVIII ст. Т. I., стр. 14.

² Тамъ же стр. 22.

³ Тамъ же, стр. 20.

⁴ Тамъ же, стр. 23—24.

являть подобныя соображенія. Друзья разстались. Вскорѣ потомъ Григорій исполнилъ желаніе архипастыря, и принесъ ему свои тетрадки. Во время чтенія ихъ, Игнатій заливался слезами, а принявши ихъ отъ Талицкаго, осыпалъ ихъ поцалуями. Какъ-бы въ награду за то сердечное удовольствіе, которое доставилъ Талицкій своими разглагольствіями и чтеніями, епископъ сдѣлалъ ему денежный подарокъ ¹.

Но какъ практическая оппозиція народа не имѣла силы внѣ раскола, такъ теоретическая оппозиція не имѣла почвы внѣ раскола. Политическое отрицаніе для сына православной церкви было логическимъ противорѣчіемъ самому себѣ. Признавая авторитетъ господствующей церкви, русскій человекъ допустилъ бы страшную непослѣдовательность, еслибъ вздумалъ отрицать авторитетъ правительства—авторитетъ, освященный церковью. Самымъ логическимъ шагомъ въ этомъ случаѣ было вмѣстѣ съ авторитетомъ правительства отвергнуть и авторитетъ церкви, на которомъ онъ опирался; или другими словами — всецѣло перейти на сторону раскола. Такъ оно и было въ самомъ дѣлѣ. Этимъ, между прочимъ, объясняется, страшное развитіе раскола въ правленіе Петра. Вотъ почему ученіе о царѣ-антихристѣ укоренилось только въ расколѣ. Расколъ съ ревностію ухватился за эту идею, развилъ ее, составилъ изъ нея догматъ; тѣмъ болѣе, что эта идея была совершенно необходима для того, чтобы восполнить пробѣлы въ его ученіи и установить точныя и опредѣленныя отношенія къ правительству.

Люди, почитавшіе государство, созданное Петромъ, богоборнымъ и антихристіанскимъ дѣломъ, конечно, не могли быть его членами. Они должны были употребить всѣ усилія, чтобы изолироваться отъ государства и его вліянія. Открытое сопротивленіе государству сдѣлалось немислимымъ съ того времени, когда имперія Петра стерла съ лица земли послѣднюю силу народа, стрѣлчество. Врагамъ новаго государства оставалось одно средство спасенія отъ государства—бѣгство. И вотъ, когда Петръ вознамѣрился привѣрнуть къ государству народъ посредствомъ переписи, бѣгство возрастаетъ до небывалыхъ размѣровъ. Раскольники, очень основательно соображая, что внесеніе въ перепись означало бы съ ихъ стороны признаніе враждебныхъ порядковъ, всѣми мѣрами уклонялись отъ переписчиковъ. Они бродили изъ города въ городъ, изъ села въ село ², какъ нетопыри крылись отъ дневного свѣта, по выраженію св. Димитрія Ростовскаго ³, укрывались за рукою сильныхъ земли ⁴. Но подобное укрывательство не обезпечивало спокойствія раскольниковъ, потому что

¹ Раск. д. XVIII ст. Т. I, статья о Талицкомъ.

² Перв. П. С. З. VI, № 4052.

³ Розыскъ стр. 100.

⁴ Перв. П. С. З. Т. V, № 3232, 3854 п. 24, т. X, № 7668

полиція Петра была організована отлично. За раскольниками слѣдили зорю, и розыскивали ихъ старательно. Розыскиваніе раскольниковъ поставлено было въ ближайшую обязанность епархіальнихъ начальствъ; но и гражданская власть должна была оказывать въ этомъ отношеніи полное содѣйствіе власти духовной¹. Сенатъ, военная коллегія, губернаторы нерѣдко давали, для вспомошествованія сыщикамъ, цѣлыя отряды солдатъ². Тяжкія наказанія слѣдовали за укрывательство раскольниковъ, которое разсматривалось, какъ «противленіе власти»³. Нужно прибавить, наконецъ, что самая возможность свободного перехода изъ одной мѣстности въ другую была весьма значительно ограничена введеніемъ паспортной системы. Такимъ образомъ, раскольники отнюдь не могли чувствовать себя безопасными отъ правительства, скитаясь внутри государства. Оставалось бѣжать куда нибудь подалше. И вотъ на отдаленныхъ окраинахъ государства, но въ мѣстностяхъ пустынныхъ и дикихъ, непроницаемыхъ для государства, возникаютъ общины, посады и слободы, силою населенныя раскольниками, бѣжавшими сюда отъ богоборной имперіи. Сюда собрались цѣлыя сотни тысячъ враговъ государства, которые поставили своею цѣлюю воздвигнуть оплотъ противъ вліянія государства, которые отреклись отъ государства и всѣхъ дѣлъ его, которые зажили своею особенною жизнью, развили свои общественные порядки, строго отвѣчающіе требованіямъ національнаго чувства. Здѣсь оцрѣпло сознаніе раскола, какъ партіи. Здѣсь созрѣла та цивилизація, которая характеризуется отрицаніемъ государственныхъ порядковъ новаго времени и противодѣйствіемъ государственному духу.

Видѣвъ съ этимъ фактомъ довершилось развитіе противогосударственнаго элемента въ расколѣ. Расколъ не дѣлаеть далѣе уже ни шагу впередъ въ отношеніяхъ къ государству. Явившаяся въ концѣ XVIII вѣка противогосударственная секта бѣгуновъ возвела только въ систему тѣ факты и начала, которые во всей своей силѣ обнаруживались во время Петра. Итакъ, эпоха Петра есть время полного и всесторонняго раскрытія противогосударственнаго элемента раскола. И современныя намъ отношенія раскола къ государству, къ изображенію которыхъ мы теперь переходимъ, характеризуются тѣми же явленіями и обстоятельствами, которые имѣли мѣсто въ политическихъ отношеніяхъ раскола, современнаго Петру.

Владиміръ Фармаковскій.

¹ Регл. о мірск. особ. п. 5. Перв. П. С. З. № 3785.

² Собр. пост. по раск., сост. по вѣд. св. син. Кн. I, стр. 13, 44 и др.

³ Собр. пост. по раск., сост. по вѣд. св. син. Кн. I, стр. 28.